
УДК 316.334.4
ББК 60.561.4
Т 99

И.Ю. Тягаенко,

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Кавказский социальный институт», тел.:8-928-313-78-35

**Правовая культура, общественные институты
и социальная практика: проблема корреляции**
(Рецензирована)

Аннотация. В статье содержится анализ детерминант правового нигилизма, ставшего атрибутивной чертой современного российского общества. Автор обосновывает необходимость комплексного подхода к решению проблемы повышения уровня правосознания, включающего в себя институциональное реформирование, коррекцию социальной практики и реального правоприменения.

Ключевые слова: правовая культура, юридическая грамотность, социальная практика, правосознание, ценности, правовой нигилизм, общественные институты, поведенческая модель, правовая парадигма.

I.Yu. Tyagaenko,

Post-graduate student of Department of Social Disciplines and the Humanities of Non-State Educational Institution of Higher Education "The North-Caucasus Social Institute", ph.: 8-928-313-78-35.

**Legal culture, public institutes
and social practice: correlation problem**

Abstract. The paper contains the analysis of determinants of the legal nihilism which has become an attributive line of the Russian modern society. The author proves need of a comprehensive approach to a solution of the problem of increasing level of the sense of justice including institutional reforming, correction of social practice and real law application.

Keywords: legal culture, legal literacy, social practice, sense of justice, values, legal nihilism, public institutes, behavioural model, legal paradigm.

Не вызывает сомнений тот факт, что любые попытки повышения правовой культуры современного российского социума обречены на неудачу, если они предпринимаются вне контекста системных институциональных изменений, без радикальной трансформации общественного сознания и социальной практики. Многочисленные замеры общественного мнения выявляют широко распространенное в социуме ритуалистское отношение к закону исключительно как к некой форме внешнего поведения, лишенной императивной направленности. Уйдя из сферы социальной практики, правовая лояльность сохранилась ис-

ключительно в качестве декларативной вербальной конструкции, предназначенной для публичных манифестаций, либо как некий идеал, который при всей его позитивности невозможно воплотить в жизнь в условиях конкретики отечественной социальной эмпирии.

В свете сказанного очень важно выявить и проанализировать детерминанты правового нигилизма, получившего в настоящее время массовое распространение во всех слоях социума, ставшего серьезной преградой на пути его дальнейшего поступательного развития и успешной интеграции в мировое сообщество. Впрочем, справедливости

ради следует отметить, что низкий уровень правосознания не является эксклюзивной приметой современности, напротив, он имеет весьма глубокие исторические корни, обнаруживает свою укорененность в национальном архетипе.

В правовом отношении коллективное сознание россиян является «расколотым» сознанием, поскольку отличается очевидным дуализмом, выражающимся в отделении формального права и его институционального закрепления от высшей, сверхэмпирической истины, тесно связанной с идеалом справедливости и заключенной в понятии «правда». При этом право, согласно укорененным представлениям, не просто расходится с высшей правдой, но напрямую противоречит ей, выступает ее бинарной оппозицией.

Можно выделить достаточно оснований архетипического антагонизма между юридически «сущим», то есть практикой реального правоприменения, и этически «должным» в качестве общественного идеала. Так, например, если право есть продукт конкретных человеческих усилий, то бытие правды имеет вневременной, «надмирный» характер и не подвержено влиянию конъюнктуры.

Другое их отличие находится в гносеологической плоскости: если право «лежит» на поверхности и оно лишено эвристичности, то правду необходимо найти, приложив к этому немалые усилия. Сказанное подтверждается как многовековой традицией отечественного правдоискательства, так и общей тональностью российской философской мысли, преимущественно озабоченной этико-аксиологической проблематикой.

Также речь может идти и о различной субъектности права и правды. Субъектом права выступает официальная власть, а правда своим субъектом имеет весь народ в качестве единой недифференцированной массы. Сущностное различие между ними состоит в том, что официальное правотворчество стоит на страже исключительно властных интересов, в то время как правовые интересы общества (в древнерус-

ской терминологии — мира) последнее формулирует для себя само, опираясь на принцип «ubi societas, ibi ius» (где сообщество, там право).

Впрочем, при всей глубине расхождений между формальным и неформальным правотворчеством мы можем констатировать их взаимную толерантность, равно как и взаимное дополнение друг друга в условиях нормального функционирования институциональной системы. Коллективное сознание, будучи помещенным в контекст широкого общественного консенсуса, как правило, занимало позицию стихийного юридического позитивизма, уверенно демонстрировало свою лояльность как по отношению к разрабатываемым правовым нормам, так и по отношению к способам их реализации. Кроме того, следование принципам правовой лояльности стимулировалось житейской рассудочностью. Ситуация менялась только с наступлением маргинализации системы, когда оказывались утраченными ее основные функции, когда правоприменительная практика переставала отвечать общественным ожиданиям и вступала в явное противоречие с коллективными представлениями о справедливости и законности. Последнее имеет самое непосредственное отношение к современным российским реалиям.

Изменения, затронувшие содержание жизненного мира наших соотечественников, в меньшей степени коснулись глубинных структур общественного сознания, его архетипической составляющей, которая и выступила драйвером многочисленных социальных катаклизмов. При этом проблема состоит в том, что идеалы добра и справедливости, сохранившиеся в коллективном разуме в качестве императивов развития государства, не имеют своих эмпирических коррелятов. Призывы к самопожертвованию не эксплицируются адекватным целеполаганием и не компенсируются жизнеутверждающей картиной будущего. Все это дополняется затяжным кризисом социально-гуманитарных наук, не дающих удовлетворительных ответов

на вызовы времени и продуцирующих такой тип теоретических знаний, которые, выражаясь словами Э. Гидденса, «противоречат здравому смыслу».

В настоящее время мы столкнулись с таким положением дел, при котором официальный дискурс диссонирует с конкретикой социальной эмпирии, с частным жизненным опытом отдельно взятого актора. Нечто подобное описывается у Гидденса, который исследует механизмы отторжения институционально выработанного информационного продукта в виде социальной теории. «Можно сказать, — пишет Э. Гидденс, — что все социальные акторы являются теоретиками-обществоведами, изменяющими свои взгляды в свете собственного опыта, будучи восприимчивы к входящей информации, которой они овладевают, поступая таким образом. Социальная теория не есть особая, замкнутая область академических мыслителей. Однако непрофессиональных акторов интересует, как правило, практическая польза «знаний», применяемых ими в процессе повседневной деятельности, и могут существовать фундаментальные свойства институциональной организации общества (включая идеологию, но не только), которые ограничивают или искажают то, что они считают знанием» [1].

По тем же мотивам, по которым в обществе формируется скептическое отношение к социальной теории или идеологии, вырабатывается нигилистическое отношение и к иным дискурсивным конструктам, предлагаемым от имени официальных институтов. И право здесь не является исключением. Абстрактные ценности права со всей очевидностью проигрывают ценностям жизненного мира и практике повседневности. Более того, зачастую строгое следование правовым нормам заведомо ставит человека в неравные конкурентные условия и обрекает его на проигрыш в соревновании за получение жизненных благ. Причем репутационные издержки в случае достижения своих целей противоправным путем оказываются минимальными даже по сравнению с предыдущим советским

периодом, когда в условиях жесткого авторитаризма и тотального дефицита формула «хочешь жить — умей вертеться» была общественно осуждаемой, хотя зачастую и единственно возможной поведенческой моделью.

С другой стороны, артикулированный прагматизм современной модели социального бытия дополняется набором либеральных ценностей, очень часто интерпретируемых с контрлегитимических позиций. К такого рода ценностям относятся, например, приоритет прав и интересов отдельно взятой личности по отношению к общественному благу или абсолютизация свободы в качестве важнейшей и чуть ли не единственной социальной нормы и т.п. В первую очередь сказанное относится к молодому поколению россиян как наиболее внутренне раскрепощенной и этатистски эмансипированной группе населения.

Справедливости ради следует сказать и о несовершенстве собственно законодательной базы, заключающейся в ее внутренней противоречивости, недоработанности и отсталости от требований времени, что усугубляется низким уровнем юридической грамотности и правовой культуры в целом. Все сказанное выше позволяет нам выделить основные векторы правового нигилизма и правового индифферентизма, которые содержатся в следующих представлениях:

— следование закону не может принести никакой пользы;

— закон является инструментом ограничения естественных прав личности;

— закон никак не связан с жизнью, а поэтому нет необходимости его изучать.

Подобные стереотипы массового сознания уже достаточно давно фиксируются социологами в качестве его детерминант, подтверждением чему являются результаты, полученные в рамках Всероссийского исследования РОС (2006-2007), проанализировавшие гражданскую культуру современного студенчества. Авторы исследования констатируют отношение данной

референтной группы к закону как к чему-то необязательному, как к некоей помехе, препятствующей реализации их жизненных планов. Соответствующая аргументация респондентов вполне укладывается в приведенную выше триаду. «Мотивация нарушения закона, — говорится в написанной на материалах исследовательского проекта статье, — выглядит в некоторых обоснованиях прагматично («ради пользы дела»), а в некоторых имеет гуманистическую видимость («если закон ограничивает права личности»). Вероятно, имеют реальное основание и мнения студентов о непонятности законов как о причине их нарушения» [2].

На смену императивному сознанию с его признанием незыблемости законодательно установленных норм и правил, приходит постмодернистский тип сознания, отрицающий какую бы то ни было общеобязательность. Социальный актор стремится использовать ситуативный подход к праву, интерпретируя положения последнего исходя из собственных представлений об их целесообразности. При этом возможность наступления юридических последствий оценивается не по этической шкале, а исходя из принципов риск-менеджмента. Почти половина опрошенных нами респондентов заявили о своей потенциальной готовности нарушить закон в случае извлечения из этого пользы для себя.

Субъективизм в толковании закона проявляется и в такой его ипостаси, как подчинение последнего личностным жизненным принципам и убеждениям. Впрочем, это связано не только с известным распространением нигилистических настроений в обществе, но и с теми изменениями, которые произошли в структуре личности. Все дело в том, что современный человек, обладающий неограниченным доступом к информации, достаточно хорошо образованный, ощущающий себя в десакрализованном мире, все чаще отказывается признавать любые авторитеты, в том числе и авторитет законодателей. Он восстает против любой табуированности, против любых запретов и ограничений как

таковых, предпочитая контролю самоконтроль. Положение дел усложняется еще и тем, что необходимость механически следовать букве закона по своей форме вполне может ассоциироваться с бездумным исполнением, чуждым современному социальному актору.

Когда мы говорим об утрате институтами своих функций применительно к правовой культуре, мы, помимо всего прочего, подразумеваем и отсутствие системного подхода к проблеме юридического просвещения. Существующие образовательные структуры явно не справляются с данной задачей. Всеобщее информирование учащихся в рамках среднего специального образования относительно основ права носит формальный, поверхностный характер. Даже в относительно образованной среде, какой является студенчество, от 20 до 25 процентов опрошенных нами респондентов, согласно их собственной самооценке, плохо знакомы с такими фундаментальными юридическими документами, каковыми является Конституция Российской Федерации, Уголовный, Гражданский и Трудовой кодексы. Индикаторами низкого уровня юридической грамотности являются: массовое распространение незнания своих прав и обязанностей в сфере ЖКХ, отсутствие четких представлений относительно прав покупателей, неумение составить и подать исковое заявление, плохое знакомство с Уставом предприятия или организации, где осуществляется трудовая деятельность, слабое взаимодействие с властными структурами по причине отсутствия представления о функционале последних и т.п. Все это ведет не только к снижению эффективности жизнедеятельности общества, но и создает предпосылки для появления квазиструктур, подменяющих институты и функции государства.

Очевидно, в пересмотре нуждается сама система подготовки и принятия законов. Отсутствие должных юридических компетенций в социуме зачастую является результатом хаотичности этой деятельности. Наиболее характерной чертой современного законодательно-

го процесса стала его нестабильность. Увеличивающийся поток законодательных актов делает крайне затруднительным для среднестатистического человека его мониторинг. Отдельные составляющие законотворческого процесса входят в противоречие с другими его составляющими. Наличие большого количества юридических «лаун» не позволяет сформироваться развитому правосознанию.

К уже названным проблемам современного российского законодательства в последнее время добавилась его непоследовательность и зависимость от сиюминутной конъюнктуры, а также политизация законодательного и правоприменительного процесса. Примером могут стать поспешно принятые Государственной Думой резонансные законы последнего времени, чье качество весьма сомнительно с точки зрения принципов, заложенных в Российской Конституции. В частности, в Уголовный Кодекс возвращен «Закон о клевете», незадолго до этого изъятый оттуда. При этом в свое время изъятие данной статьи детально обосновывалось и разъяснялось населению. Существующее в описываемой нами сфере положение дел резко контрастирует с аналогичной ситуацией в развитых странах и конкретно в Великобритании, где законы остаются неизменными на протяжении столетий.

Обозначив проблему в ее основных чертах, попытаемся теперь предложить комплекс мер, направленных на ее решение. Не входя в частности, остановимся на ключевых вопросах, на которых следует в первую очередь сконцентрировать усилия.

Прежде всего, необходимо разработать и запустить механизмы правового информирования населения. При этом достигаются одновременно четыре цели:

- 1) Повышение общего уровня правовой грамотности.
- 2) Оптимизация типовых поведенческих моделей с точки зрения права.
- 3) Профилактика правонарушений.
- 4) Непосредственное включение значительной массы населения в орби-

ту социально-правовых коммуникативных связей.

Упрощение доступа к юридической информации возможно при осуществлении одновременных усилий в двух параллельных направлениях. Первое связано с расширением круга источников юридической информации, а второе — с адаптацией этой информации, что сделало бы ее более доступной для восприятия предельно широкой массой граждан. В решении этой двуединой задачи фундаментальная роль должна быть отведена современным медийным средствам, включая Интернет, которые могли бы разработать программы популяризации юридических знаний для различных групп населения, стимулировать познавательную активность своей аудитории посредством создания соответствующего модного тренда. Другая идея заключается в реализации проекта своеобразного сетевого правового «супермаркета», где потребителям были бы доступны различные юридические продукты, главным образом информационно-консультативного порядка.

Параллельно с инноватикой, связанной с повышением юридической грамотности, следует продолжить развивать уже начатые просветительские проекты. К последним относится, в частности, оказание бесплатной правовой помощи в рамках юридических клиник. Задуманный изначально как исключительно образовательный проект, юридические клиники все больше структурируются в качестве субъекта административно-правовых отношений, что стало возможно благодаря вступлению в силу Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 15 января 2012 года. Данная тенденция должна быть продолжена, что позволит преодолеть известную узость теоретико-юридической мысли, усматривающей в подобных клиниках исключительно «образовательную программу профессиональной подготовки социально ориентированных юристов» [3].

Особое значение имеет тот факт, что помощь, оказываемая сотрудниками

юридической клиники, имеет безвозмездный характер, что вписывается в продекларированную властью логику социального государства и способствует снижению напряженности между властью и обществом. Такого рода помощь не только не создает дополнительного материального бремени для населения, но и напрямую направлена на уничтожение очагов социальной напряженности, неизбежно порождаемых любыми конфликтными ситуациями. В свете сказанного важно подчеркнуть, что простое повышение среднего уровня юридической грамотности не способно заменить собой участие в разрешении правовых коллизий профессионалов, что объясняется естественной сложностью предмета юриспруденции как такового.

Совершенно ясно, что приобщение к правовой культуре невозможно исключительно «книжным» путем без практической апробации теоретических знаний. Соответствующий опыт может быть получен путем вовлечения основной массы населения в гражданскую и социальную деятельность, только при условии построения полноценного гражданского общества. Одним из первых шагов в указанном направлении может стать преодоление социально-психологической отчужденности граждан от государственных институтов, запуск механизмов, направленных на повышение уровня взаимного доверия. Следует эксплицитировать действия власти, особенно в части правотворческой и правоприменительной деятельности. Стоило бы подумать о возрождении практики всенародных референдумов по наиболее социально значимым вопросам, тем более, что подобные процедуры не представляют никакой трудности в свете существующего уровня развития коммуникативных технологий. Возможна проработка практики Интернет-голосований с последующим ее введением в нормативное русло.

Совершенствование наличной институциональной системы представляет собой необходимое, но не достаточное условие достижения законопослушности в обществе. Реорганизация уже существующих институтов не должна

вести к отказу от создания принципиально новых институциональных структур, релевантных тем социокультурным реалиям, которые обусловлены модернизационными тенденциями. Главный акцент во вновь создаваемых институтах гражданского общества призван сформировать новый ценностный корпус, лейтмотивом которого будет идея отказа от патернализма в пользу развития личной инициативы и ответственности индивида, чья самореализация напрямую зависит от его правового самосознания и умения действовать в правовом русле. И дело здесь не просто в сомнительности приватизации государством излишнего количества функций, а в том, что государство утратило монополию на проектный дискурс, в том, что частные, локальные проекты, разрабатываемые индивидуально или группой граждан, оказываются более успешными, чем глобальные, зачастую утопические, проектные разработки общегосударственного уровня. Так, например, финансовая грамотность отдельно взятого человека, ориентированная на реализацию собственного пенсионного плана, зачастую оказывается более эффективной, чем перепоручение управления личными средствами громоздкой государственной структуре.

Более того, мы можем видеть прямую связь между банкротством холистического проекта и криминализацией общества как такового. Закономерно, что генезис массовой коррумпированности советского общества приходится на период «застоя», когда всем стала очевидна несостоятельность коммунистического проекта. В настоящее время, когда дисфункциональность многих институтов выступает в качестве фактора дестабилизации, когда прослеживается явная связь между институциональной несостоятельностью и низким качеством правосознания, очень важно предложить новую парадигму общественного целеполагания. Последняя могла бы быть ориентирована на обязательность пребывания в правовом русле, ясность нормативной перспективы, достижение пошаговых

результатов, чуткость к общественному мнению и его институционализацию, построение продуктивных коалиций, апелляцию к экспертному сообществу, эффективность социальной практики т.п. Особое внимание при этом следует уделить практике дифференциации правового, экономического, социокультурного и стратификационного модусов жизнедеятельности общества, обеспечив автономия социального актора в каждом из них. Иными словами, должна соблюдаться своего рода обезличенность актора перед лицом правоприменительных действий, его реальное, не номинальное равенство перед законом. Вот как об этом, хотя и в несколько ином ракурсе, говорит С.С. Неретина: «Вопрос о гражданском обществе может рассматриваться как общение людей не в сфере трудовых отношений, а в отделенной от экономики сфере гражданских прав и свобод, в сфере правоотношений разветвленных общественных связей и интересов, при осознании социально-политических интересов каждой социальной группы, класса, партии, программы, но и отдельного индивида, который включен в политические структуры» [4].

Обозначенный нами вектор трансформации институциональной системы, помимо всего уже названного, предполагает обнаружение коррелятов общественного и властного волеизъявления. Другими словами, встает вопрос об унификации смыслов, о перераспределении полномочий между обществом и властью, причем мы говорим не столько об объемах этих полномочий, сколько об их качестве применительно к проблематике правовой культуры. Своеобразным маркером здесь могут встать представления о свободе, существующие как во властной среде, так и в обществе в целом.

Согласно данным различных социологических опросов, смысл свободы подавляющее число россиян видит в возможности решать вопросы прикладного, узкопрагматического порядка. и только незначительная их часть ценит свободу как условие самоопределения в нравственном, смысложизненном пла-

не. Несмотря на кажущуюся рациональность подхода большинства к пониманию свободы, она так и не стала для подавляющей массы наших соотечественников «осознанной необходимостью». Более того, в коллективном бессознательном продолжают сохраняться связанные со свободой фобии, что может быть объяснено уже упоминаемой нами институциональной несостоятельностью государства. «Наши народные массы, — пишет А. И. Волков, — ошалевшие от всяческих перемен, от гигантских денег, которые крутятся вокруг, но только вызывают неудовлетворимую жажду красивой жизни, массы, напуганные внутренними войнами, террористическими актами, будничными убийствами и невыплатой заработанных денег, с радостью бросаются на шею каждому, кто предстанет перед ними «крутым» и через слово употребляет эпитет «жестко»: вот она, «железная рука», что наведет порядок!» [5].

Со своей стороны, не меньшее (в процентном отношении) число представителей власти демонстрируют весьма далекие от идеала образцы понимания свободы в своей профессиональной деятельности. Так, например, очень часто деятельность властных институтов обосновывается не строгим следованием букве закона или четко сформулированными народными интересами, а подменяющими их метафорами или дискурсивными семулякрами, призванными закамуфлировать истинные намерения. О невысоком уровне управленческого правосознания заявляет, хотя может быть и излишне резко, С.С. Неретина. По ее мнению, несовершенство правоприменительной практики в государстве есть продукт, с одной стороны, исторически сложившихся традиций отечественного менеджмента, а с другой, следствие глубинных, латентных комплексов управленческого аппарата. «Сейчас иногда говорят, — отмечает автор, что принимаемые современной российской властью законы, установления и пр. не достигают целей, увязая в сети проволочек и не достигая масс. Я полагаю, напротив, что они прямо достигают своих целей. Главное желание

власти — загасить твою собственную свободу. Загашенная свобода и свидетельствует о том, что действительно есть власть, обладающая всеми властными полномочиями, но не правосознанием».

Когда мы говорим об отсутствии системы обратной связи между институтами и гражданами, мы не только имеем в виду отсутствие полномасштабного информационного потока, движущегося в направлении властных структур, но и неподконтрольность власти обществу. Власть контролируется исключительно самой властью. Механизмы гражданского контроля находятся в стадии становления. Деятельности независимых общественных наблюдателей противостоит вся мощь государственного аппарата, очень часто они становятся объектами уголовного преследования. Повсеместное нарушение «Закона о СМИ» не позволяет обеспечить системность ведения журналистских расследований.

Очевидна необходимость перезапуска институциональных механизмов, одним из толчков которому может стать инициирование диалога между различными общественными силами, проведенного по инициативе и при обязательном участии представителей власти в качестве полноценного субъекта диалогического процесса. Данный диалог мог бы заложить основу широкого общественного консенсуса в будущем. Кроме того, участие в такого рода диалоге способно не только повысить уровень правовой культуры его непосредственных субъектов, но и позитивно повлиять на правовую культуру всего общества в целом.

Особое значение в этой связи приобретает как плюрализация каналов внутрисистемной интеракции, так и креативность интерактивных форм. На смену жестко зафиксированной, иерархизированной, подчиненной раз и навсегда установленным коммуникативным правилам конструкции должна прийти стохастическая модель взаимодействия между различными субъектами социума. Подобная модель ориентирована на расширение конститутивных возможностей социокуль-

турной коммуникации посредством увеличения числа тех, кто уполномочен конституировать соответствующие коммуникативные связи. Она в состоянии децентрализовать процедуру формулирования общественных интересов, перераспределить политико-правовые ресурсы, стимулировать развитие социального партнерства. Не претендуя на подмену собой действующих властных механизмов, предложенная нами модель может оказаться в состоянии интегрировать политико-правовое пространство России. По своим основным параметрам описываемая нами модель созвучна концепции политических сетей, открывающей широкие возможности проявлению гражданской инициативы. По мнению С. Н. Большакова, горизонтально построенный сетевой принцип обнаруживает важное преимущество в контексте осуществления переговорного процесса, связанное с тем, что последний включает в себя не только привычные для переговоров элементы торга, но также и дискуссионно-рефлексивные моменты. Однако наиболее значимым для Большакова является тот факт, что сетевые коммуникации строятся на доверии, что указывает на их атрибутивность модернизации общественного бытия. «Подобные сетям горизонтальные структуры могут существовать только на основе доверия ввиду отсутствия других инструментов, поддерживающих кооперативное поведение, например, система формальных санкций, действующих в отношении иерархических структур» [6].

В заключение считаем необходимым сделать некоторые концептуальные выводы. Полагаем, что при сей сложности и комплексном характере рассматриваемой нами проблемы перспективы ее решения вполне позитивны. Корреляция институциональной активности и социальной практики, введение их в поле правовой культуры представляются нам исторически неизбежными, вне зависимости от желаний и устремлений отдельных социальных акторов, о чем свидетельствует логика развития современной цивилизации.

Вместе с тем мы можем констатировать качественные, поколенческие различия между отдельными категориями наших сограждан. Поколение, вступающее в настоящее время в период полноценной жизненной активности, имеет целый ряд преимуществ по сравнению со старшими поколениями. Это касается образования, степени интегрированности в пространство глобальной культуры, креативности, вла-

дения иностранными языками, знания своих прав, отсутствия патерналистских и прочих стереотипов прошлого. В числе компетенций, в которых они нуждаются для осуществления своего карьерного роста, одно из первых мест занимают юридическая грамотность и коммуникативные навыки, так же, как и репутационный ресурс, обладание которыми невозможно без развитого правосознания личности.

Примечания:

1. Гидденс Э. Устроение общества. М., 2005. С. 451.
2. Вишневецкий Ю.Р., Трынов Д.В., Шапко В.Т. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования // Социс. 2009. №4. С. 112.
3. Мамин А.С., Усов И.С. Теоретико-правовой анализ развития юридического клинического образования в России // Общество и право. 2010. №5. С. 27.
4. Неретина С.С. Право и власть или право на власть // Общая тетрадь. 2011. №4 (57). С. 77.
5. Волков А.И. Мы уже не бандерлоги. Размышления, навеянные чтением книги Г.С. Лисичкина // Общая тетрадь. 2011. №4 (57). С. 105.
6. Большаков С.Н. Политический концепт сетевого управления // Общая тетрадь. 2011. №1 (54). С. 100.

References:

1. Giddens E. The constitution of society. M., 2005. P. 451.
2. Vishnevsky Yu.R., Trynov D.V., Shapko V.T. The civil culture of students. Tendencies and formation problems // Sotsis. 2009. No. 4. P. 112.
3. Mumin A.S., Usov I.S. Theoretic and legal analysis of development of the juridical clinical education in Russia // Society and the law. 2010. No. 5. P. 27.
4. Neretina S.S. Law and power or the right to the power // Obshchaya tetrad. 2011. No. 4 (57). P. 77.
5. Volkov A.I. We are not bunderlogs any more. Reflections called up by reading the book of G.S. Lisichkin // Obshchaya tetrad. 2011. No. 4 (57). P. 105.
6. Bolshakov S.N. Political concept of network management // Obshchaya tetrad. 2011. No. 1 (54). P. 100.